

**Авторитаризм в перспективе государственного устройства России:
к характеристике общественно-политических воззрений
П. А. Флоренского и И. А. Ильина**

М. Г. Галахтин

Национальный исследовательский университет «МИЭТ»

Исследуются философские основания политико-правовых концепций П. А. Флоренского и И. А. Ильина, в частности, доминирующих в них идей формирования авторитарной власти и воссоздания элиты. Проводится сравнительная характеристика общественно-политических воззрений Флоренского и Ильина по проекту постреволюционного государственного устройства России. Анализируются представленные в общественно-политических концепциях русских мыслителей оценка авторитаризма как возможной формы политического режима будущего государства и идея особого пути России.

Ключевые слова: государство; политическая власть; политико-государственное устройство России; право; авторитаризм; монархия; элита.

Общественно-политические воззрения П. А. Флоренского стали предметом специальных научных исследований (см. [1—6]). Все они главным образом представляют собой развернутый комментарий к малоизвестной, опубликованной только в 1990 г., работе Флоренского «Предполагаемое государственное устройство в будущем». Эта работа фактически является единственным образцом его обширного философского и богословского наследия, в котором в систематическом виде излагаются общественно-политические взгляды мыслителя.

Обстоятельства создания этого документа в 1933 г. (время, когда автор находился в заключении) могут породить сомнения в аутентичности излагаемых в записке положений собственным воззрениям Флоренского. Однако, по мнению авторитетных исследователей его творчества, сопоставление изложенных в записке положений с системным исследованием общих философских и богословских установок Флоренского позволяет заключить, что в «...документе излагается политическая концепция самого автора»¹. Значение этого еще мало оцененного документа, своеобразного философско-политического трактата, сопоставимо, по мнению игумена Андроника (Трубачева), «по содержательной стороне и стилистической емкости» с классическими работами Л. А. Тихомирова, И. А. Ильина и А. И. Солженицына [1].

Сопоставление общественно-политических воззрений Флоренского с идеями таких разноплановых мыслителей, как Тихомиров, Ильин и Солженицын, представляется не случайным. В своей статье «Монархизм жизни. К вопросу о политических убеждениях священника Павла Флоренского» С. Чесноков обращает внимание на определенное сходство общественно-политических идеалов Флоренского и апологета монархизма Тихомирова. Вместе с тем прямых свидетельств, кроме юношеского сочинения «О цели и смысле прогресса» и общего «духа времени», запечатленного в трактате Тихомирова «Монархическая государственность», приверженности

¹ Данные выводы содержатся в статьях В. Цыпина [4] и С. Чеснокова [3]. Более осторожную позицию в этом вопросе занимает игумен Андроник (Трубачев), который полагает, что, «...будучи более свободным в своем собственном трактате, чем в ответах следователю, отец Павел мог попытаться высказать и свои истинные взгляды на целый ряд вопросов государственного развития...» [1, с. 96].

Флоренского идеям монархизма Чесноков не указывает. Впрочем, данное обстоятельство может свидетельствовать лишь о том, что политическая проблематика для Флоренского была на периферии его философских и богословских интересов.

Само название сочинения Флоренского вызывает ассоциации с известной работой Солженицына «Как нам обустроить Россию: Посильные соображения», которая была опубликована в том же году, что и записка о. Павла (1990). Любопытно совпадение некоторых разделов двух проектов государственного и общественного устройства России. У Флоренского — императивное «государственный строй», у Солженицына — вопросительное: «Все ли дело в государственном строе?» и позитивное: «О государственной форме», у Флоренского более общее «Образование и воспитание», у Солженицына конкретное «Семья и школа», у Флоренского строго «Аппарат управления», у Солженицына более обще и дискуссионно «Сочетанная система управления». Вместе с тем следует отметить, что Флоренского занимали в программе будущего устройства России более конкретные вопросы организации хозяйственной, политической, бытовой и религиозной жизни, тогда как Солженицын делает акцент на обустройстве именно общественного, государственного и национального уклада. Очевидно, что подходы этих двух выдающихся русских мыслителей к ключевым проблемам общественного устройства России весьма различны, подчас противоположны. Сопоставление этих проектов представляется любопытной задачей для исследователя. Вместе с тем конкретно-исторический контекст, в котором создавались эти произведения, различные фазы социально-политического развития России, на которых эти мыслители застали ее историческое существование, делают такое сопоставление довольно условным.

Более перспективным представляется сопоставление общественно-политических взглядов Флоренского и одного из крупнейших религиозных философов русской эмиграции Ильина. Системное исследование взглядов Ильина на будущее России не оставляет сомнений в том, что у него выстраивался вполне определенный план будущего ее устройства, который он последовательно развивал в своих работах в эмиграции, главным образом в периодике; статьи эти были объединены впоследствии в сборник «Наши задачи» [7]. Поскольку прямое взаимовлияние политических идей Флоренского и Ильина можно исключить, вызывает интерес общее умонастроение, владевшее этими мыслителями в подходах к будущему устройству России. В известном смысле можно говорить о своеобразном диалоге между Флоренским и Ильиным по ключевым проблемам общественно-политической жизни России, который незримо продолжался после заключения первого и вынужденной эмиграции второго. Значимость этому невидимому диалогу придает то обстоятельство, что Флоренский и Ильин в своих политических предпочтениях исходят из различных, едва ли не противоположных философских предпосылок. На известное сходство общих политических устремлений Флоренского и Ильина неоднократно указывают исследователи их творчества (см., например: [2; 5]).

Общей платформой общественно-политических воззрений Флоренского и Ильина остается идея монархической государственности, выражающая религиозный смысл государственной власти. Государство в лице монарха, не смешиваясь с церковью, осуществляет свою религиозную миссию. Вместе с тем оба мыслителя признают кризис монархической идеи, впрочем, как и других политических установлений. «От демократической республики до абсолютной монархии, — писал Флоренский, — чрез разнообразные промежуточные ступени, все существующие виды правового строя... не несут своей функции. Нельзя обманываться: не война и не революция привели их к тяжелому *положению*, но внутренние процессы, война же и [революция] лишь ускорили обнаружение внутренних язв» [8, с. 650].

Какое же политическое устройство должно было установиться в России после падения монархии и ликвидации большевистского тоталитарного режима? По мысли и Флоренского, и Ильина, этот режим не может быть основан на принципах представительной демократии, которые в феврале 1917 г. и привели Россию к катастрофе. «Политическая свобода масс, — утверждал в своей записке Флоренский, — в государствах с представительным правлением есть обман и самообман масс...» Он считал, что представительство «как демократический принцип... вредно, и не давая удовлетворения никому в частности, вместе с тем расслабляет целое» [8, с. 649]. По мнению Ильина, демократия в своем последовательном развитии способна переродиться в свою противоположность — тоталитаризм, устраняющий всякую личную и общественную свободу (см. [9]). Кроме того, посткоммунистическая Россия не сможет, считал Ильин, решить свои национальные задачи в условиях слабой власти, каковой и является представительная демократия, растрачивающая силы на выработку бесконечных компромиссов.

Единственной формой государственного правления, способной, по мнению Флоренского и Ильина, сдерживать центробежные силы и направлять государство к национальному возрождению, является авторитарный режим. Авторитарная власть способна достичь максимальной консолидации политической элиты для решения национальных задач. «Никакие парламенты, учредительные собрания, совещания, — писал Флоренский, — не могут вывести человечество из тупиков и болот, потому что тут речь идет не о выяснении того, что уже есть, а о прозрении в то, чего еще нет. Требуется лицо, обладающее интуицией будущей культуры, лицо пророческого [склада]. Это лицо, на основании интуиции, пусть и смутной, должно ковать общество» [8, с. 651]. Оно в обязательном порядке должно обладать гениальной волей, «которая стихийно, может быть, даже не понимая всего, что она делает, стремится к цели, еще не обозначившейся в истории». Мысли, почти аналогичные мыслям Флоренского, можно найти в рассуждениях Ильина о типе авторитарного правителя: «Вождь закаляется в деловом служении, волевым, мужественном, национально верном. Он одержим духом Целого, а не частным, не личным, не партийным. Он сам стоит и сам идет, потому что он политически дальноразум и знает, что надо делать. Поэтому он не приглашает себе идеологов “выдумывать программу”. Оставшись совсем один, он начинает большое дело, не создавая себе партию, а действуя лично во имя сверхличного» [10]. В качестве примеров таких правителей он приводит имена Л. Г. Корнилова и П. Н. Врангеля, отчасти приподнимая завесу возможного, по его мнению, типа будущего диктатора России.

Авторитаризм представлялся Флоренскому и Ильину секуляризованной формой монархической идеи. В известном смысле он отражал этап деградации и выхолащивания этой идеи. В этом аспекте они не питали иллюзий относительно восторжествовавших режимов Б. Муссолини и А. Гитлера, которые расценивались ими лишь как «суррогаты» творческого лидера (Флоренский) и «выступают в качестве тиранов» (Ильин). «Единовластие, — писал Ильин, — подобно природе, изгоняется в дверь и вторгается в окно... Но вторгается оно обычно в таком искаженном виде и несет народам такие страшные тоталитарные извращения и унижения, что люди начинают помышлять о законной монархии как об утраченном эдеме...» [11]. Однако именно авторитарный режим, по мнению Флоренского и Ильина, в ограниченный исторический период необходим для возрождения русского государства. Его относительная ценность виделась Флоренскому прежде всего в возможности построить альтернативу представительной демократии, политиканству, связанному с вовлечением широких масс в политику и спекуляцией на идее политического большинства:

авторитарный режим «...отучает массы от демократического мышления, от партийных, парламентских и подобных предрассудков...» [8, с. 651]. Только национальная диктатура в России, полагал Ильин, способна предотвратить посткоммунистический хаос и сохранить страну от распада.

Обоснование Ильиным невозможности построения в России представительной демократии, противоречащей сложившемуся исторически монархическому складу национального самосознания, напоминает аргументацию Флоренского, отмечавшего нерациональность действий царского правительства в попытках осуществить перевод кочевых народов на оседлое земледелие, «что противоречит тысячелетним навыкам этих народов».

Авторитарная власть, являясь у Ильина отражением монархического иерархического принципа, тем не менее не претендует на тотальное подчинение и всесторонний контроль над обществом. Вне властных структур общественная самостоятельность, по мнению Ильина, должна быть сохранена в полном объеме. «Авторитарный строй, — отмечает он, — может довольствоваться малым объемом административного вмешательства и совсем не претендовать на всестороннюю навязчивую опеку жизни» [12]. Принцип разделения политической сферы, общегосударственных функций, организованных на основе единоначалия, и общественной самостоятельности, выражающей многообразие форм социальной активности и творчества, должен быть, по мнению Флоренского, положен «в основу государственного строя» будущей России.

Ильин склонен расценивать авторитарный режим как промежуточный этап эволюции политической системы России. В сущности, задачи авторитарного правления, по его мнению, ограничиваются сдерживанием сил распада государства и формированием новой национальной элиты, способной на самостоятельное политическое творчество. Вместе с тем авторитарный период должен стать временем подготовки народа для нового принятия идеи монархии и восстановления монархического строя. Что касается Флоренского, то его взгляды отличаются большим пессимизмом. Реставрация в России монархии ему представлялась мало осуществимым и бесперспективным делом. Отсюда все монархические побуждения и чаяния народа должны быть сосредоточены на едином лице, творце новой культуры, который должен открыть новую историческую эпоху и которого «мы будем считать... истинным самодержцем и подчиняться ему не из страха, а в силу трепетного сознания, что пред нами чудо и живое явление творческой мощи человечества» [8, с. 652]. Вместе с тем вопрос о том, как новый властитель должен прийти к власти в отсутствие легитимного механизма выдвижения снизу, остается у Флоренского не проясненным.

Авторитарная власть, хотя и не сдерживаемая другими политическими институтами, не должна, по мысли Флоренского, игнорировать мнение «наиболее осведомленных и заслуживающих доверия граждан», т. е. приближенной к власти элиты. Такая элита, полагает Флоренский, должна формироваться из кадровых рядов государственного аппарата и армии. При этом весь государственный аппарат должен формироваться сверху вниз с соблюдением принципов единоначалия. Весьма любопытны рассуждения Флоренского о технологии формирования творческой элиты. Признавая особую ценность для государства творческой личности, он предлагает создать специальный государственный институт для поиска талантов, которые подчас не в состоянии сами заявить о себе: «Только весьма проницательные, опытные и крупные люди могут распознать подлинно творческие потенции, и для этого распознавания должен быть организован особый государственный аппарат, работа которого с лихвой окупится результатами» [8, с. 655].

Создание новой посткоммунистической интеллигенции, вдохновляемой религиозной и творческой национальной идеей, Ильин расценивал как «основную задачу грядущей России». Ключевым отличием ее от прежней дореволюционной интеллигенции, всегда противопоставлявшей себя режиму, будет поддержание авторитета власти. «Новый русский отбор, — писал Ильин, — призван укоренить авторитет государства на совсем иных, благородных и правовых основаниях: на основе религиозного созерцания и уважения к духовной свободе; на основе братского правосознания и патриотического чувства; на основе достоинства власти, ее силы и всеобщего доверия к ней» [13, с. 126]. В вопросе качественного отбора национальной элиты Ильин менее государственник, чем Флоренский, и не перепоручает его бюрократическим учреждениям. «Мы все — от правителя до простого обывателя, — отмечает он, — должны научиться узнавать людей качественно-духовного заряда и всячески выдвигать их, “раздвигаясь” для них; только так мы сможем верно пополнять нашу национальную элиту во всех областях жизни» [13, с. 127].

Любопытно, что формирование новой элиты, обновленной интеллигенции в посткоммунистической России выдвигал как насущную задачу национального культурного строительства такой представитель либерального крыла русской эмиграции, как Г. П. Федотов. Будучи непримиримым оппонентом Ильина, Федотов тем не менее весьма схож с ним в оценке роли духовной элиты для будущей России. «В настоящий исторический день... — писал он в 1939 г., — проблемы сводятся к одной: как воссоздать в России тот разрушенный революцией... слой, который был бы способен поднять качество культурной работы и передвинуть центр интересов с вопросов техники к вопросам духа» [14]. Здесь выражается общее убеждение русских мыслителей в том, что реализация политической власти, социально-общественное обустройство будущей посткоммунистической России возможны лишь при опоре на национально ориентированную культурную элиту.

Политическая структура государственного устройства России у Флоренского представляется более консервативной, чем у Ильина. Флоренский полностью исключает какое-либо участие населения в политической жизни. Политика является прерогативой самодержавной власти, которая одновременно несет ответственность за ее результаты. Политическая конфигурация будущего русского государства у Ильина допускает сочетание как собственно авторитарных начал, так и элементов республиканской формы правления, не исключая, в частности, функционирование политических партий; последние, однако, должны отречься от своих узко понимаемых задач во имя общенациональной государственной идеи. Как юристу Ильину свойственно было рассуждать о государстве как о юридическом лице, строящемся по принципу либо корпорации (коллегиальному принципу обеспечения частных интересов участников), либо учреждения (императивному для решения публичных задач). Развитое государство, по мнению Ильина, всегда является сочетанием данных принципов, одностороннее развитие которых приводит либо к «формальной демократии», разрушающей государство, либо к тоталитарному огосударствлению всех сфер общественной жизни. «Государство в своем здоровом осуществлении, — писал он, — всегда совмещает в себе черты корпорации с чертами учреждения: оно строится — и сверху, и снизу — и по принципу властной опеки, и по принципу самоуправления» [15]. В этом смысле авторитарная модель политической системы у Ильина не отменяет возможности сосуществования отдельных элементов общественной самоорганизации, не распространяемых, впрочем, на ключевые политические институты (системы государственного управления, социального обеспечения, государственной службы и т. д.).

Авторитарная модель общественной системы отличается у Флоренского и Ильина крайней степенью изоляционизма, противопоставлением русской цивилизации западной. Идея модернизации России в соответствии с достижениями западной цивилизации, включая механизмы представительной демократии, для Флоренского и Ильина неприемлема. Россия должна выработать собственную модель политического устройства, отвечающего ее историческим, культурным и религиозным условиям, а не копировать западные образцы, обнаружившие свою несостоятельность. В политической сфере эта доктрина выражается у Флоренского в идее об экономической и культурной самодостаточности России и установлении взаимодействия с западным миром только на уровне научно-технических и информационных контактов. При этом русская эмиграция, «...застывшая в своем дореволюционном прошлом и оторвавшаяся от жизни страны», должна быть полностью отстранена от какого-либо вмешательства во внутренние дела России до «полного укрепления новой власти и проведения всех необходимых мероприятий» [8, с. 677]. В этих положениях нетрудно увидеть прообраз политики железного занавеса, реализуемого советским государством начиная с 30-х гг. XX в.

Антизападническая риторика характерна для большинства работ Ильина по проблемам будущего политического устройства России. Ни либеральная, ни социалистическая, ни тоталитаристская модели государственной власти не могут служить образцами для посткоммунистической России. «Прошло то время, — писал он, — когда русская интеллигенция воображала, будто ей стоит только заимствовать готовую государственную форму у запада и перенести в Россию — и все будет хорошо. Ныне Россия в беспрецедентном историческом положении: она ничего и ни у кого не может и не должна “заимствовать”. Она должна сама создать и выковать свое общественное и государственное обличье, такое, которое ей в этот момент исторически будет необходимо, которое будет подходить только для нее и будет спасительно именно для нее; и она должна сделать это, не испрашивая разрешения ни у каких нянек и ни у каких соблазнительей или покупателей» [16]. Идеология «русского пути», отражающей особенности этногеографических, культурных и религиозных характеристик национального типа, сближает позицию Ильина с идеями евразийцев.

Даже беглое сопоставление общественно-политических воззрений Флоренского и Ильина обнаруживает определенное сходство их основных положений. В целом они могут быть охарактеризованы как проекты альтернативного государственно-политического устройства России в посткоммунистический период ее развития. Альтернативность данных проектов выстраивалась в основном в отношении представительской демократии и республиканизма, переживавших, по мнению Флоренского и Ильина, глубокий кризис. Падение монархии в России они расценили как национальную трагедию, лишившую страну духовно-нравственной основы политической жизни. Восстановление иерархии политических и духовных ценностей, в их представлении, могло быть достигнуто посредством установления в России авторитарного режима, способного привести страну к новым формам политической, общественной и культурной жизни, обеспечить переход от тоталитаризма к самостоятельной форме национального государства, построенного на началах православия, духовной свободы и развития человеческой личности.

Вместе с тем политическая доктрина Флоренского отличается бóльшим консерватизмом и архаизмом, чем модель будущего государственного устройства, рисуемая Ильиным. Чаемый Флоренским авторитарный режим гораздо более напоминает тоталитарный тип советского образца, чем восстановление идеи самодержавности в новом качестве. В этом смысле Ильин занимает более умеренную позицию, пытаясь сочетать идеи авторитаризма и национализма с идеологией гражданского

общества и общественного самоуправления. Учитывая, однако, обстоятельства появления на свет сочинения Флоренского «Предполагаемое государственное устройство в будущем» под надзором НКВД, эти различия оказываются вполне объяснимыми.

Литература

1. *Игумен Андроник (Трубачев)*. О судьбе России // Литературная учеба. 1991. № 3. С. 96—114.
2. *Иванова Е., Кравец С., Половинкин С. Послесловие* // Литературная учеба. 1991. № 3. С. 95.
3. *Чесноков С. В.* Монархизм жизни (К вопросу о политических убеждениях священника Павла Флоренского) // София: Альманах. Вып. 2: П. А. Флоренский и А. Ф. Лосев: род, миф, история. Уфа: Здравоохранение Башкортостана, 2007. С. 104—108.
4. *Цытин В. (протоиерей)*. Комментарий к записке священника Павла Флоренского «Предполагаемое государственное устройство в будущем». Ч. 1—3 // Православие.Ru: Интернет-журнал. 2007. 07—09 марта. URL: <http://www.pravoslavie.ru/jurnal/749.htm> (дата обращения: 29.12.2014).
5. *Тальников Д. С.* Государство, право и религия в трудах П. А. Флоренского // Представительная власть. XXI век: законодательство, комментарии, проблемы: Интернет-журнал. 2010. 28 июня. URL: <http://www.pvlast.ru/archive/index.php328.php> (дата обращения: 29.12.2014).
6. *Великанов П. (протоиерей)*. О взглядах свящ. Павла Флоренского на принципы государственного и общественного устройства России // Московская Православная Духовная Академия: Официальный сайт. 2006. 07 декабря. URL: http://www.mpda.ru/site_pub/82484.html (дата обращения: 29.12.2014).
7. *Ильин И. А.* Наши задачи: Статьи 1948—1954 гг. М.: Русская книга, 1993. (Собрание сочинений в 10 т. Т. 2. Кн. 1—2).
8. *Флоренский П. А.* Предполагаемое государственное устройство в будущем // Сочинения: в 4 т. / Свящ. П. Флоренский. М.: Мысль, 1996. Т. 2. С. 647—681.
9. *Ильин И. А.* От демократии к тоталитаризму // Наши задачи. Кн. 1. М.: Русская книга, 1993. С. 154.
10. *Ильин И. А.* Национальный вождь и партийные главари // Наши задачи. Кн. 1. М.: Русская книга, 1993. С. 137.
11. *Ильин И. А.* Трагедия династии без трона // Наши задачи. Кн. 1. М.: Русская книга, 1993. С. 206.
12. *Ильин И. А.* От социализма к тоталитаризму // Наши задачи. Кн. 1. М.: Русская книга, 1993. С. 166.
13. *Ильин И. А.* Основная задача грядущей России // Наши задачи. Кн. 1. М.: Русская книга, 1993. С. 126.
14. *Федотов Г. П.* Создание элиты // Судьба и грехи России: Избр. ст. по философии рус. истории и культуры / Г. П. Федотов. СПб.: София, 1991. С. 211.
15. *Ильин И. А.* Что есть государство — корпорация или учреждение? // Наши задачи. Кн. 1. М.: Русская книга, 1993. С. 145.
16. *Ильин И. А.* Очертания будущей России // Наши задачи. Кн. 1. М.: Русская книга, 1993. С. 78.

Галахтин Михаил Геннадьевич — кандидат философских наук, доцент, заведующий кафедрой права МИЭТа. E-mail: m.galakhтин@gmail.com